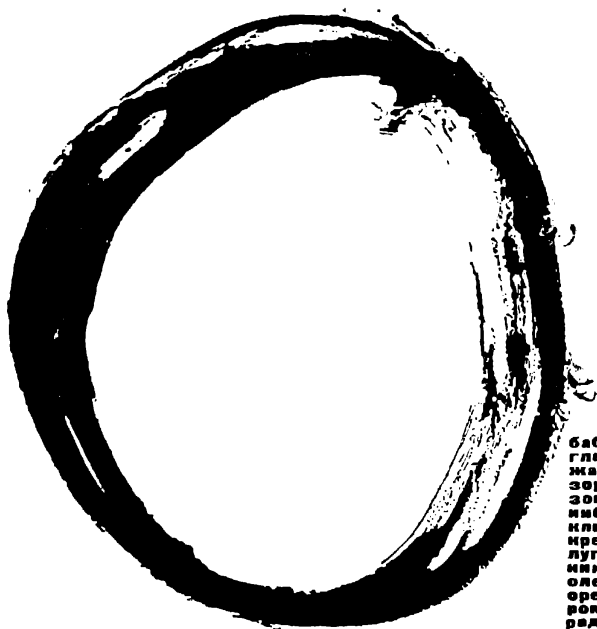

бабеле
гладкое
жарове
заряче
зошено
имбер
илычково
кросст. пост
лугавском
инкифорове
олеше
орешине
рожиново
радиново
светлово
сольвинском
третьяково
утиние
шнеловском

предисловие

Пародия — не низкий, недостойный, околосатираический жанр. Пародия — в области искусства. Разумеется, — если это настоящая пародия, автор которой интересуется духом писательского творчества, а не обмолвкой или опечаткой. Можно пародировать стилистику писателя, и можно пародировать стиль его. В первом случае пародия не весьма отличается от глумления и является орудием издевки. Во втором случае пародия соприкасается с критикой и перерастает в нее, являясь орудием перестройки литературы. Впрочем, большой пародист может раскрыть недостаток стилистики, как закономерность стиля того или иного писателя. Для этого от пародиста требуется высокий уровень культуры — и общей и литературной, для этого от пародиста требуется пафос литературной борьбы, для этого от пародиста требуется целеустремленность.

Обладает ли всем этим т. Архангельский?

Он один из заслуженно известных и наиболее популярных литературных пародистов. Книжку его пародий можно рекомендовать читателю. Но именно к п и ж к а показывает наиболее наглядно недостатки работы талантливого пародиста. Нет спору: в книжке много забавного, много и остроумного, много верных, а подчас и тонких, наблюдений над творчеством различных советских писателей. Очень хороши, например, пародии на Шкловского и Третьякова. «Ассоциативное» построение статей и заметок первого, где мы следим не столько за подчинением Шкловского скачкам своей мысли, сколько за претенциозным кокетничаньем надуманными переходами и логической распушенностью, долженствующей прикрывать неясность идей; абстрактная революционность второго, третьяковский ходок, неразрывно связанный с браводой, не удающееся сочетание большевистской трезвости и страстности с американо-деловитостью — это хорошо почувствовал и понял т. Архангельский. Есть пародия безобидно развлекательные. Часть из них не выше, а то и ниже уровня критикуемого; они смешат, но сквозят смех здесь видно только поддегивание. Есть пародии неудачные — с разных точек зрения и по-разному.

Неудачна, по-моему, пародия на крестьянского поэта. Шаблонно «литературные» подсмеивания над авансом и «рублем за строчку» делают пародию откровенно дешевой — с т. Архангельским это бывает не часто.

Злее должна была быть пародия на Клычкова. Ведь, вообще, советский пародист должен уметь обнажать классовую сущность буржуазных проповедей, разоблачать низменную корыстность, скрывающуюся за той или иной высоко «идейной» завесой. Архангельский больше иронизирует над Клычковым, чем его саркастически бичует. И — зря!

Совсем мало удачна пародия на П. Романова. Здесь т. Архангельский своей пародией служит именно тому, что он хотел высмеять в писательском «оригинале». Он теряет чувство меры, и его пародия оказывается не средством требующегося воздействия на писателя, но чтивом, радующим потребителя «половой литературы». Я больше остановился на недостатках т. Архангельского, чем на его достоинствах. Мне кажется, что т. Архангельский не всегда достаточно ответственно относится к тому жанру, в области которого он плодотворно и интересно работает. Не только его читатель, но и сам он должен считаться с тем, что пародия — товарищ и друг литературной критики.

Несколько слов о рисунках Кукрыниксов. Этот коллектив, состоящий из трех молодых художников, также широко известен — к сожалению, пока только преимущественно в литературных кругах. Но Кукрыниксы явно имеют право на большее внимание — многие отнюдь не легкомысленные люди начинают смотреть журнал «На литературном посту» с карикатур Кукрыниксов. Думается, что Кукрыниксы много могут сделать и в театре: у них не только много художественного чутья, но уже и много умения и верная установка.

л. авербах

О

бабеле
гладкове
жарове
зорице
зощенко
инбер
клычкове
крест. поэте
луговском
никифорове
олеше
орешине
романове
радимове
светлове
сельвинском
третьякове
уткине
шкловском

пародии а. архангельского

рисунки м. ку^{прилинов}, п. кр^{ылов}, ник^{солов}.

земля и фабрика

москва — ленинград

1930

I . Бабель

мой первый сценарий

Беня Крик, король Молдаванки, неяскаемый палетчик, подошел к столу и посмотрел на меня. Он посмотрел на меня, и губы его зашевелились, как черви, раздавленные каблуками пачдива восемь.

— Исаак, — сказал Беня, — ты очень грамотный и умеешь писать. Ты умеешь писать, об чем хочешь. Напиши, чтоб вся Одесса смеялась с меня в кинематографе.

— Беня, — ответил я, содрогаясь, — я написал за тебя много печатных листов, но, накажи меня бог, Беня, я не умею составить сценариев.

— Очкарь! — закричал Беня ослепительным шопотом и, вытащив неопикуемый наган, помачал им. — Сделай мне одолжение, или я сделаю тебе неслыханную сцену!

— Беня, — ответил я, ликуя и содрогаясь, — не хватай меня за грудки, Беня. Я постараюсь сделать, об чем ты просишь.

— Хорошо, — пробормотал Беня и похлопал меня наганом по спине.

Он похлопал меня по спине, как хлопают жеребца на конюшне, и супул паган в неопикуемые складки своих несказанных штанов.

За окном, в незатейливом небе, сияло ликующее солнце. Оно сияло, как лысына утопленника, и, неопикуемо задрожав, стремительно закатилось за невыносимый горизонт.

Чудовищные сумерки, как пальцы палетчика, зашарили по несказанной земле. Нечерпаемая луна заерзала в ослепительном небе. Она заерзала, как зарезанная курица, и, ликуя и содрогаясь, застряла в частоколе блуждающих звезд.

— Исаак, — сказал Беня, — ты очень грамотный, и ты носишь очки. Ты носишь очки, и ты напишешь с меня сценарий. Но пускай его сделает только Эйзенштейн. Слышишь, Исаак?

— Хвороба мне на голову! — ответил я страшным голосом, ликуя и содрогаясь. — А если он не захочет? Он работает из жизни коров и быков, и он может не захотеть, Беня.

— ...в бога, печенку, селезенку! — закричал Беня с ужасным шопотом. — Не води меня из спокойствия, Исаак! Нехай он крутит коровам хвосты и голяется за бугаями, но нехай он сделает с моей жизни картину, чтоб смеялась вся Одесса: и Фроим Грач, и Каплун, и Рувим Тартаковский, и Любка Шпейвейс.

За окном сияла неистощимая ночь. Она сияла, как топзура, и на ее неопикуемой спине сыпь чудовищных звезд напоминала веснушки на лице Афоньки Биды.

— Хорошо, — ответил я неслышным голосом, ликуя и содрогаясь. — Хорошо, Беня. Я напишу с твоей жизни сценарий, и его накрутит Эйзенштейн.

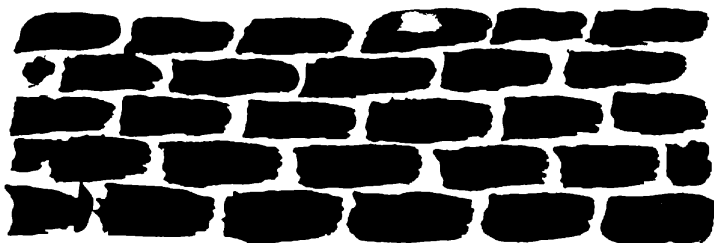
И я пододвинул к себе стопу бумаги. Я пододвинул стопу бумаги, чистой, как слюна поворожденного, и в невообразимом молчании принялся водить стремительным пером.

Беня Крик, как ликующий слепоглухонемой, с благоговением смотрел на мои пальцы. Он смотрел на мои пальцы, шестистящие в лучах необузданного заката, вопиющего, как помидор, раздавленный неслышным каблуком пачдива десять.

2 . гладков

главцемент

I

брачная неуважка

Как и тогда, булькотело и дышало нутряными вздохами море, голубели заводские трубы, в недрах дымились горы, но не грохотали цилиндры печей, не барахолили бремсберги и в каменоломнях и железо-бетонных корпусах плескались свиньи, куры, козы и прочая мелкобуржуазная живность.

Глеб Чумалов вернулся к своему опустевшему гнезду, на приступочках которого стояла жена Даша и шкарбала себя книгой «Женщина и социализм» сочинения Августа Бебеля.

У Глеба задрожали поджилки, и сердце застукотело дизелем. Рванулся к ней.

— Даша! Жена моя!

Обхватил могучей обхваткой так, что у нее хрустнули позвонки, и с изумлением воскликнул:

— Дашок! Шмара моя красноголовая! Да ты, никак, дышишь не той поздрей? Ответила строго, организованно:

— Да, товарищ Глеб. Ты же видишь, я — раскрепощенная женщина-работница, и завтра чуть свет командируюсь лицом к деревне по женской части. Успокой свои нервы. Не тачай горячку. Заткнись.

Глеб вдохнул тяжелым нутряным вздохом. Натужливо хмыкнул от удавления.
— Шуганула ты меня, Дашок, на высокий градус, так, что и крыть печем. Ну, что ж, займись восстановлением завода на полный ход.

II

блатная музыка

Бузотерили и матюгались слесаря, бондаря, кузнецы и электрики. Балабонили всем гамузом, дышали нутряными вздохами и разлагались на мелкобуржуазные элементы.

Глеб сорвал с головы свой геройский шлем и шваркнул им оземь. Крикнул громовым голосом:

— Братва! Как я есть красный боец гражданского фронта и стою на страже интересов цементного производства, то буду вас крыть, дорогие товарищи, по чем зря, будь вы четырежды четыре анафема прокляты, шкурники и брандахлысты. Правильно я кумекаю, шпана куринал?

Словно ток с электропередачи прошел по сердцам бондарей, слесарей, кузнецов и электриков. Единогласно, коллективно воскликнули:

— Верно, ядри твою корень!

— Фартовый парень, едят его мухи с комарами!

— Свой в доску!

— Дрызгай на все на рупь на двадцать!

— Крой дело на попа!

Глеб вдохнул радостным нутряным вздохом. Громогласно воскликнул:

— Братва! Дербанем производство за жабры! Треснем, а завод чекалдыкнем!

III

за работой

На высокий градус вскипели дни. Глеб, как скаженный, мотался из завкома в исполком, из исполкома в совнархоз, из совнархоза в госплан, из госплана в СТО.

Грохотал в завкоме:

— Грохайте хабардой, дорогие друзья! Не то живо к стенке поставлю!

Громыхал в исполкоме:

— Не балабоньте, глотыри, так вашу раз-этак!

Буркотел в совнархозе:

— Пришью вас к стенке, куклы полосатые!

Ободрял, подначивал, брякал по башкам, чебурахал по затылкам, дрызгал по хайлам и в конце концов добился своего.

Задымилась голубые трубы, застукотели маховики, забарахлили цилиндры печей, загрохотали бремсебегги, и колеса электропередачи закружились в разных пересечениях, наклонениях, спряжениях, числах и падежах.

IV

апофеоз

Наверху, на ажурной вышке, стоял Глеб, а внизу — в педрах и на склонах, в ущельях — и под несметные толпы толп, чувствуя самоотверженного бойца за цементное дело, копошились, булькотели, шваркали, бумкали, полыхали плакатами и знаменами, издавая восторженные пугающие гулы, под звон колоколов духового оркестра в двадцать Два человека с барабанщиком.